

Восток — дело тонкое*

Мартин Мюллер

Профессор, департамент географии и устойчивого развития, Университет Лозанны
Сооснователь и научный руководитель Центра глобального урбанизма,
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
Адрес: Géopolis 3514, 1015 Lausanne, Switzerland
E-mail: martin.muller@unil.ch

Данная статья представляет собой ответ Мартина Мюллера на эссе и реплики, в которых критически разбирался перевод на русский язык его работы «Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом» (Социологическое обозрение. Т. 19. № 3). Материалом для анализа были тексты, опубликованные в тематическом блоке «Глобальный Восток: политики именования и продуцирования знания» (тот же номер). В статье они проанализированы в соответствии с принципом местоположенности автора, т. е. в соответствии со стремлением выйти за пределы доминирующей социальной конструкции реальности, чтобы понять маргинализированные группы и регионы, дав им возможность высказаться. Он обращает внимание на то, как его аргументация была обусловлена его авторской позицией, в частности его местоположенностью между несколькими языковыми традициями, его дисциплиной (географией) и тем, что он принадлежит к более молодому поколению исследователей. Приведены примеры конкретных реплик и позиций критиков. Автор осветил следующие стороны проблематики, сопряженной с популяризацией понятия «Глобальный Восток»: нетождественность этого понятия постсоциализму, важность «глобального» в этом понятии, плюсы и минусы понимания Глобального Востока сквозь призму стратегического эссенциализма, сложную темпоральность этого понятия («будущее для прошлого»).

Ключевые слова: Глобальный Восток, критика, поколение, местоположенность, территориальность, глобализация, стратегический эссенциализм, доминирование и подчиненность в глобальной академической системе

Тексты подобны детям — они начинают ускользать от наших представлений о них сразу же после появления на свет. «Разыскивая глобальный Восток» (Müller, 2020a) не стал в этом смысле исключением. Я написал эту статью для публики, которой, как мне казалось, еще только предстояло познакомиться с Востоком. Я писал для коллег, работающих на Глобальном Севере и Глобальном Юге; для тех, кто стремится к деколонизации и децентрализации академических исследований в разных дисциплинах, для тех, кто выступает за более «глобальную» теорию, выходящую за границы своего западноевропейского и североамериканского «ядра» (в качестве примера среди многих упомяну только Anzaldúa, 1987; Comaroff, Comaroff, 2011;

* An English version of this article is available at www.martin-muller.net in the «Publications» section.
Пер. с англ. Максима Фетисова.

Mignolo, 2012; Sousa Santos, 2014; Tuhiwai Smith, 1999). Мне симпатичен этот проект, но та часть мира, что я называю «Глобальным Востоком», он не видит. Именно поэтому я опубликовал английскую версию статьи в журнале «Геополитика», не имеющем региональной специализации. Короче говоря, я совсем не стремился обратиться, по крайней мере в первую очередь, к аудитории, обладающей соответствующими экспертными навыками в том, что касается Глобального Востока. Тем не менее к худу или к добру, но наши тексты живут своей собственной жизнью. Выяснилось, что именно студенты и ученые, выходцы с того самого Востока, а также те, кто на этом Востоке работает, оказались основной аудиторией этого текста¹.

Все же, наверное, это к лучшему — в конце концов, я выступаю за перестройку геополитики знания и мышления не только о Востоке, но и вместе с Востоком, отталкиваясь от Востока, или же при помощи Востока. Возможно, однако, что и к худшему. Во-первых, потому, что статья будет выглядеть совершенно поверхностной для аудитории, которая хорошо разбирается во многих дебатах, которых я касаюсь лишь отчасти или же вообще игнорирую. Во-вторых, потому, что концептуальный словарь отличается. Елена Трубина (Трубина, 2020) указывает на это, когда пишет, что «Глобальный Север» и «Глобальный Юг» не являются устоявшимися категориями в российском академическом дискурсе. Это может привести к недоумениям.

Поэтому я должен поблагодарить коллег, чьи комментарии были собраны в номере журнала, за потраченное ими время и великодушие, проявленное ими при работе с моим текстом, тем более на работу, которая изначально не предназначалась им как основным читателями. Вы помогли мне углубить мои размышления — и осознать их пределы. Далее я свел двенадцать опубликованных комментариев в пять основных линий вопросов.

Глобальный Восток с моей точки зрения

Всякому знанию присущи свои геополитика и политика тела. Иными словами, всякое знание занимает определенное место и воплощено в конкретном субъекте, как, среди прочих, напоминают нам Донна Харауэй (Haraway, 1988) и Валтер Миньоло (Mignolo, 2002). Не иначе обстоит дело и с проектом Глобального Востока. Статью, о которой идет речь, я написал как человек, живущий в Швейцарии, одной ногой стоящий в англоязычной исследовательской традиции, а другой — твердо опирающийся на немецкую и французскую, потому что это мои другие рабочие языки наряду с русским. Тексты читаются по-разному в разных национальных и региональных контекстах (об этом см.: ЦикиндеLEANU, 2020). При этом «Восток» и вправду — «дело тонкое». Он всегда стремится быть где-нибудь еще, всегда восточнее того места, где вы находитесь прямо сейчас: это нечто, что

1. Настолько, что грузинский перевод (Müller, 2020b) появился еще до того, как была опубликована оригинальная статья в номере журнала «Геополитика». Вслед за русским на подходе уже польский и французский переводы (Müller, 2021a, 2021c).

всегда должно смещаться все дальше и дальше. Мои собеседники в этом журнале имеют самое разное, зачастую интернациональное происхождение и образование, и у каждого из них свой собственный Восток (об этом см.: Безуглов, 2020). Это Россия, Казахстан, Румыния, Соединенные Штаты, Швеция, Эстония, Латвия, Беларусь/Литва, Франция (если называть только нынешнюю их принадлежность, не считая стоящих за ними гораздо более богатых интернациональных историй). Каждый из нас представляет различные языковые традиции — русскую, английскую, французскую, каждой из которых присущи особый стиль письма и построения аргументации.

Я также излагал свои мысли с точки зрения определенных дисциплин — как географ и ученый-урбанист. Это дисциплины, где интерес к Востоку далеко не гарантирован. Моим коллегам трудно найти на карте Екатеринбург или Сочи, не говоря уже о возможности осмысленной исследовательской работы над столь экзотическими для них местами. В этом социологическом журнале вместе со мной выступают со своими откликами не только историки, антропологи, политологи и философы, но также архитекторы, кураторы, писатели, переводчики. Одни сообщества, которые эти авторы представляют, могут разделять озабоченность маргинальностью, которая вызвала к жизни обсуждаемую здесь статью, другие — нет (см., например: Роджерс, 2020; Голубев, 2020; Соколовская, 2020; Левкин, 2020).

Наконец, я писал как человек, принадлежащий к поколению, не обладающему активной памятью о холодной войне и соревновании двух систем. Я вижу, как последствия этого соревнования вписаны в том числе в материальную и нарративную ткань изучаемых и посещаемых мною городов, но мне не довелось его пережить и прочувствовать. Я вырос в эпоху, которую ученые называют эпохой ускоренной глобализации 1990-х годов (эпоха, вероятно, близящаяся к своему закату, пока мы пишем эти строки). Как отмечает Усманова (2020), это сформировало мое мировоззрение. Мне было легче сказать «прощай» постсоциализму, и, пожалуй, показательно, что по-русски моя статья «Прощай, постсоциализм!» (Müller, 2019) впервые появилась в студенческом журнале DOXA, о чем я не знал (Мюллер, 2019). Похоже, что наибольший резонанс она получила как раз у молодых студентов.

Я упоминаю здесь о своем становлении, потому что, как справедливо отмечает Трубина (2020), оно сформировало как сам проект Глобального Востока, так и собранные здесь ответы. Каждый из них отражает собственную связь автора с местом, гендером, социальными сетями, культурами, его дисциплиной, языками и так далее — каждый из них по-своему пристрастен и находится в каких-то обстоятельствах. В таком случае данный форум — это еще и эксперимент над тем, насколько далеко может уйти некий текст от своих места происхождения и эпистемического сообщества, и какие он тем самым поднимает вопросы. Этот эксперимент по чтению в разных регионах мира, дисциплинах, профессиях и поколениях

ях можно считать успешным, поскольку моя статья, кажется, обращается ко всем коллегам — хотя и по-разному и с разной настойчивостью².

Почему Глобальный Восток не совпадает с границами постсоциалистических обществ

В статье я настаивал, что Глобальный Восток это не место, а эпистемологический проект, нацеленный на ревизию геополитики знания. Тем не менее, как замечает Усманова (2020), невозможно избежать территориализации, если вы прибегаете к помощи географических метафор вроде «Востока», «Юга» или «Севера». Это верно, и этот диагноз в некотором смысле является как сильной, так и слабой стороной термина «Глобальный Юг», поскольку он одновременно указывает и на отношение, и на место. В этом незапланированном приглашении к территориализации многие участники дискуссии стремились указать на то место, где для меня должен начинаться и заканчиваться «Глобальный Восток». Шелекпаев и Чокобаева (2020) справедливо отмечают, что я определяю Восток лишь негативно, как то, что остается невидимым в промежутке между Севером и Югом.

С момента написания обсуждаемой статьи в 2016 году (потребовалось много времени, чтобы она появилась в печати), мои мысли о том, что такое Глобальный Восток, эволюционировали. Продолжая подчеркивать в первую очередь эпистемологический характер этого проекта (остерегаясь, таким образом, территориализации *prima facie*), я начал говорить о Глобальном Востоке во множественном числе. Почему? Потому что я начал понимать, что эта конкретная эпистемологическая позиция, установленная мной для постсоциалистических обществ, применима не только к ним. Китайские, иранские, турецкие и тайваньские коллеги подходили ко мне и признавались, что мой диагноз — не совсем Север и не вполне Юг — также подходит и для «их» стран. Это заставило меня уточнить мое определение Востока. Для меня теперь Восток говорит о более общем отношении: это еще и отношение (бывших) неевропейских империй и их колоний с миром³. Ведь хотя такие термины, как Глобальный Север и Глобальный Юг, охватывают и проблематизируют в первую очередь европейский колониализм, им также не удастся выйти особенно далеко за границы этого отношения.

2. Следует также отметить, что некоторые критические замечания, которые я мог бы адресовать сам себе, либо вообще не возникали в комментариях, либо их было совсем немного. К ним относятся: потенциальные границы артикуляции проекта эмансипации исходя из моей конкретной позиции, или, иными словами, от чьего имени и с опорой на чей авторитет я могу говорить; ограниченное использование в моих аргументах выполненных на Востоке исследований, а также текстов, опубликованных не по-английски; риск внести вклад в популистские дискурсы исключительности, национализма и «восточного» поворота (Ginelli, 2020; Kudaibergenova, 2016; Snochowska-Gonzalez, 2012; Уффельманн, 2020). Я обсужу эти проблемы в будущем.

3. Я имею в виду Российскую/Советскую, Османскую, Китайскую, Японскую и Персидскую империи вместе с их колониями, государствами-сателлитами и протекторатами. Кстати, сюда относится и Япония, которую часто относят к Глобальному Северу.

Это отношение (бывших) неевропейских империй и их колоний к миру, конечно же, укоренено в конкретных местах. Невозможно избежать множественных проявлений Глобального Востока в тех или иных локациях. Но я настаиваю на том, что множество Глобальных Востоков это не регионы (см., например: Левкин, 2020; Соколовская, 2020), не цивилизационные сущности и не политические акторы (Макарычев, 2020). Это не только отличает их от понятий вроде «Евразии» (Hann, 2016; Choi, Mi, 2019), популярных в современном академическом и политическом дискурсе, но и защищает от отождествления с «постсоциалистическим пространством». Это множество перекликается с понятиями Глобального Востока, используемыми другими авторами (см.: Bach, Murawski, 2020; Shin, Lees, López-Morales, 2016), также указывающими за пределы границ Евразии и постсоциалистического пространства. Таким образом, это представление о Глобальном Востоке во множественном числе подходит для анализа переплетений, возникающих на границах различных имперских пространств, таких как сложный орнамент из постосманских и постсоциалистических отношений на Балканах, или существующее в Средней Азии запутанное хитросплетение постсоциализма и влияния современного Китая⁴.

Почему в «Глобальном Востоке» важно «глобальное»

Пока многие участники дискуссии пытались выяснить свои отношения с «Востоком», для меня, вероятно, куда большее значение имеет понятие «Глобального». «Глобальный Восток» указывает на глобальную дискуссию — с Югом, Севером и прочими глобальными частями — а также на децентрализацию: как тех, кто «заказывает музыку» в глобальных академических кругах, так и самих источников теоретического вдохновения.

Встречаясь с коллегами, не работающими на Востоке, я иногда прошу их назвать хотя бы одного исследователя оттуда. Любого. Многим не удастся вспомнить ни одного имени. Кто-то после некоторых раздумий вспоминает про Славоя Жижека. Как пишет Жужа Гиль: «Дорожный указатель, ведущий от глобального мира к Восточной Европе, остается направленным в одну сторону. Всегда от Запада или глобального как причины, к Восточной Европе как следствию» (Gille, 2010: 15). Цинкиделеану (2020: 134) очень удачно подытоживает мое предположение: «Общий смысл здесь в том, что „Восток остался непознаваемым“ еще и потому, что западные научные круги не смогли разглядеть эти институции и социальные процессы, их акторов и их наработки». И это совсем не обогатило построение глобальной теории.

Я считаю в этом отношении весьма важным текст Поля Волькенштейна (2020). Он, по-видимому, предполагает, что постсталинская архитектура — это такая связующая нить, которая могла бы очертить региональные границы Глобального Вос-

4. Употребляя в дальнейшем единственное число, я ограничиваюсь одним из тех Востоков, что эмпирически относятся к обществам, возникшим после распада социализма между 1989 и 1992 годами.

тока (с чем я бы не согласился, см. выше). Я же, однако, полагаю, что в самом конце его реплики звучит более сильная мысль: о необыкновенном богатстве урбанистических и архитектурных экспериментов, которым зачастую уделяется недостаточно внимания в западных исследованиях. Можно ли действительно преподавать городское планирование, не ссылаясь на советский или китайский опыт? Можно ли понять предпочтение, отдаваемое американцами односемейным частным домам, не обращаясь к советской жилищной политике? Можно ли изучать динамику современных городов, не полагаясь на опыт Душанбе, Вильнюса или Москвы? Иными словами, разве не оказалось бы образование в сфере урбанистики и городского планирования куда богаче, если бы оно обращало внимание не только на динамику Севера и Юга?

Для меня Глобальный Восток — это эпистемологический проект, создающий в первую очередь пространство для размышлений и признания того, что уже есть. В конце концов, «оригинальность доводов не является прерогативой западных исследователей» (Шелекпаев, Чокобаева, 2020). Моя идея заключается именно в том, что на Глобальном Востоке уже есть масса превосходных исследований, заслуживающих куда большего признания, чем то, что они получают; а также в том, что если Восток выглядит черной дырой в глобальных академических дебатах, это вовсе не означает, что он ею и является (и я вовсе этого не утверждаю, как, по видимому, склонны полагать Роджерс и Голубев) (2020). Если Роджерс (2020) прав, и я сильно недооценил степень влияния и глобальной интеграции делающихся на Востоке исследований, то я буду только рад ошибиться. Хотя у меня на этот счет имеется скепсис, подтвержденный рядом недавних штудий, как количественных, так и качественных. Они отчетливо указывают не только на отсутствие Востока в глобальных дебатах, но и на нехватку у него собственной субъектной позиции, исходя из которой можно было бы строить дискуссию (Demeter, 2018b, 2018a; Gentile, 2018; Koobak, Marling, 2014; Kuzhabekova, 2020; Tlostanova, 2015; Trubina et al., 2020).

Аргумент, однако, состоит не в том, чтобы подчиниться западной архитектуре знания, а в том, чтобы изменить ее. Это необходимый шаг, хотя и весьма рискованный, как не стесняются отмечать мои комментаторы. Самая суть проблемы сводится к вопросу, заданному некоторое время назад чернокожей активисткой и писательницей Одри Лорд (1984): способны ли инструменты Хозяина разобрать дом Хозяина? Иными словами, сможет ли критика Хозяина на его языке (английском) и в его изданиях (международных журналах) многое поменять в архитектуре западного знания? Или это просто еще одно полупериферийное движение к полурелевантности? Безуглов (2020) указывает вполне реальную возможность оказаться не поставщиком тем для дискуссий, а подвергнуться эксплуатации, то есть быть дешево купленным и присвоенным. Тем не менее значительная часть этой эксплуатации, вызванной неравным соотношением сил между Востоком и Севером, имеет место уже сегодня (см.: Timár, 2004). Тот факт, что восточные исследователи остаются незамеченными, тогда как их западные коллеги, начав за-

давать схожие вопросы, присваивают себе большую часть заслуг, — явление не новое. Как и попытки деколонизации (Karkov, 2015; Kušić, Lottholz, Manolova, 2019; Țichindeleanu, 2013; Тлостанова, 2020), проект Глобального Востока направлен на борьбу с подобным структурным неравенством. Нет никаких сомнений в том, что их устранение будет непростой задачей.

Почему Глобальный Восток как стратегический эссенциализм имеет не только сильные, но и слабые стороны

Задача стратегического эссенциализма, заключенного в концепте «Глобального Востока», состоит в стратегическом устранении различий, которое поможет обрести голос в более широких дискуссиях и даст возможность раздвинуть объяснительные рамки. Вместе мы справимся. Стратегические эссенциализмы смягчают методологический и региональный национализм, когда основными ориентирами научных исследований становятся страны или регионы. Действительно, как отмечает Усманова (2020), в постсоциалистических государствах нет недостатка в методологическом национализме.

Однако у стратегического эссенциализма имеются и свои издержки: к таковым относится затушевывание внутренних различий и дифференциаций. Ценой вопроса о месте Востока в мире и взгляда, направленного вовне, оказывается пренебрежение не только внутренним богатством, но и внутренними конфликтами. Именно так я понимаю ответы Левкина, Соколовской, Голубева (2020). «Восток не является невидимым для себя самого», — пишет ЦикиндеLEANU (2020). И действительно, есть «Восток на Востоке», есть внутренняя колониальная дифференциация, например, между Россией и Средней Азией, о чем напоминают нам Шелекпаев и Чокобаева (2020)⁵.

Я ценю эту позицию за ее скептическое отношение к погоне за химерой глобальности и решительное стремление сначала понять и оценить то, что находится рядом с домом. Возможно, это позволит обрести большую автономию в деле производства знаний и культуры, вместо того чтобы следовать прихотям последней моды. Но в этом есть и риск, выражающийся в установке «нам и так хорошо», ее на Востоке в настоящее время, увы, тоже хватает. На глобальном уровне это чревато риском редуцировать Восток до уровня потребителя, а не производителя знаний. Цель стратегического эссенциализма Глобального Востока как раз и состоит в том, чтобы создать пространство безупречной работы и разнообразия знаний, уже существующих, чтобы привнести новое качество в глобальные дискуссии. Стратегическая природа эссенциализма заключается в том, чтобы на некоторое время отложить в сторону различия и, не игнорируя и не отрицая их, достичь политической цели.

5. Советский фильм «Белое солнце пустыни», откуда я позаимствовал заголовок для своей реплики, представляет собой герметичное воплощение подобного колониального различия и колониального взгляда.

Почему Глобальный Восток соединяет будущее с прошлым

Я рассматриваю «Глобальный Восток» как эпистемологический проект, вмешивающийся сейчас в геополитику знания для того, чтобы изменить его в будущем. В своей ориентации на потенциальности, на то, что, возможно, его можно назвать, как делает это Трубина (2020), «когнитивной утопией». Это не означает, что этот проект упускает из виду прошлое или пренебрегает важностью историзации. Как я продемонстрировал в обсуждаемом тексте, для понимания нынешней эпистемологической ситуации Востока, нужно, с эпистемологической же точки зрения, отдать себе отчет в том, как он оказался там, где находится сейчас.

Проект Глобального Востока направлен на восстановление будущего для прошлого (Sousa Santos, 1998). Я считаю это тем более важным, что общепринятая позиция по отношению к постсоциалистическому Востоку напоминает знаменитый комментарий Вальтера Беньямина к картине Пауля Клее «Angelus Novus»: ангел, беспомощно уносимый ветром в будущее, но повернувшийся к нему спиной, парализованный, в ужасе смотрит на обломки истории. Регулярные упоминания об «эффектах колеи», «социалистическом наследии», «разбитых утопиях», «догоняющей модернизации» или даже «восточной ментальности» вынуждают нас оглядываться назад пугающе сходным образом. Иногда мы, как мне кажется, слишком зачарованы прошлым Востока, чтобы представить себе поворот к будущему, в которое нас тем не менее несет с неумолимой силой. Это не означает, что мы должны игнорировать или отбрасывать прошлое (оно рано или поздно настигнет нас, как замечает Роджерс [2020]), а говорит скорее о том, что мы должны научиться его историзации, чтобы «вернуть» прошлому «возможность вспышки, взрыва, искупления» (Sousa Santos, 1998: 98).

Важно отметить, что существует множество исследований, историзирующих и опыт социализма, и появление постсоциализма (в качестве крайне специфического примера см.: Sîrbu и Polgár, 2009). Тем не менее историзация в моем понимании должна решать задачу воображения множества альтернативных будущих. Это одна из причин, по которой я критически отношусь к понятию постсоциализма, поскольку до сих пор его употреблению, как правило, не хватало именно возвращения к «возможности вспышки, взрыва, искупления» (Sousa Santos, 1998: 98; см. также: Kurtović, Sargsyan, 2019). «Большинство исследований постсоциализма, помещая его в гомогенное и пустое время-пространство, составленное из обломков Стены и распада Советского Союза в 1991 году, воспроизводят неизбежность капиталистического „сейчас“» (Atanasoski, Vora, 2018: 140). Я думаю, что подобный постсоциализм ограничивает то, как мы мыслим разнообразие будущего и потенциальные возможности постсоциалистических обществ (и, на самом деле, их прошлое) (см. аналогичную критику в: Kurtović, Sargsyan, 2019: 8). Тем не менее нет необходимости сбрасывать со счетов сам термин «постсоциализм», чтобы соответствовать той повестке, что предлагаю я, вводя термин «Глобальный Восток». Если этого можно достичь, сплотившись вокруг «постсоциализма» и переос-

мыслив его (см. новаторские работы на этот счет в: Atanasoski, Vora, 2018; Kangas, Salmenniemi, 2016; Kurtović, Sargsyan, 2019; Tuvikene, 2016) так, что мое прощание с ним окажется преждевременным, я буду только рад.

Почему «Глобальный Восток» — это начало, а не конец эпистемологического путешествия

На протяжении всего этого текста я называл Глобальный Восток «проектом». Проекты — это временные предприятия, задуманные с особой целью, и я хотел бы придать особое значение слову «временный». Для меня Глобальный Восток — это средство создания пространства и формулировки субъектной позиции, при помощи которых можно было бы бросить вызов бинарной оппозиции Север — Юг (Müller, 2021b), сместив исследовательский центр тяжести с ограниченного числа англоговорящих и западноевропейских стран. Этот концепт окажется максимально результативным тогда, когда в нем отпадет необходимость, в этот момент его миссия будет выполнена. Поэтому цель не в том, чтобы установить новый способ деления мира на части, как, кажется, предполагают некоторые комментаторы (Левкин, Соколовская, 2020). Я согласен с Голубевым (2020) и Градсковой (2020), что Север и Юг (если уж на то пошло, и Восток) — это не те категории, в которых стоит строить дискуссию о глобальной теории. Но именно в этих рамках многие ученые ведут подобные дебаты прямо сейчас, нравится нам это или нет. Категория Глобального Востока как раз и призвана показать границы этих рамок.

Мне близка реакция тех коллег и студентов, кто говорит, что понятие Глобального Востока помогает артикулировать именно то затруднение, с которым они сталкиваются, когда, оказавшись зажатые между Севером и Югом как доминирующими полушариями, чувствуют, будто их лишили голоса. Возражу Макарычеву (2020) и скажу, что те, кто отождествляет себя с подобной позицией, существуют на самом деле. В отличие от опасений по поводу термина «Восток» (Макарычев, 2020) и тех комментариев, где поднимается вопрос о риске ориентализации (см.: Градскова, 2020), я уверен, что последний как термин и как эмансипаторный проект может быть (вновь) востребован. Судьба его на протяжении веков была переменчива, от «ex oriente lux» до Франкенштейна (иные точки зрения на Восток см. в: Mahbubani, 2008; Neumann, 1999; Osterhammel, 2018). Пришло время отвоевать его у патерналистских и нагнетающих страх языков геополитики и полуинаковости, реактивировав скрытые в нем возможности вдохновения.

Позвольте мне завершить этот текст рассказом об одной инициативе, отражающей всю широту опыта участников дискуссии, от искусства до академической науки. Это публикующийся каждые полгода журнал под провокационным названием «Юг как состояние сознания». Редакция располагается в Афинах. Выше я уже ссылался на статью, взятую из одного его недавнего номера (Choi, Mi, 2019). В миссии этого издания записано следующее:

Одержимые духом абсурдного авторитета, мы пытаемся заразить господствующую культуру идеями, происходящими из южных мифологий, такими как «идеальный климат», «легкая жизнь», «хаос», «коррупция» и «бурный темперамент». Через наше искаженное — то есть «южное» — отношение, выраженное в критических очерках, проектах художников, интервью и статьях, мы хотели бы сформировать концепт Юга как «состояния сознания», а не набора фиксированных мест на карте. <...> Открывая неожиданный диалог между соседями, городами, регионами и подходами, «Юг как состояние сознания» является одновременно изданием и местом интенсивных встреч для общей работы.

Независимо от того, принимаете ли вы идею Юга как состояния сознания, эта отважная и ироничная попытка переписать значение «Юга» изымает его из сферы территориализации («Юг это там») и, превращая его в силу творческого исследования наших самых заветных убеждений, открывает «неожиданный диалог между соседями, городами, регионами и подходами». Не прекрасно ли было бы, если бы проект Глобального Востока обернулся чем-то подобным?

Литература

- Безуглов Д. (2020). Костры на опушке: замечания к реляционности «Глобального Востока» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 156–160.
- Волькенштейн П. (2020). Постсталинская архитектура, общий знаменатель «Глобального Востока»? // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 148–154.
- Голубев А. (2020) Перепроизводство Востоков // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 144–148.
- Градскова Ю. (2020). Новый ориентализм? // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 140–142.
- Левкин А. (2020). Согласился бы Коперник? // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 138–140.
- Макарычев А. (2020). Глобальный Восток: «голос без субъекта» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 154–159.
- Мюллер М. (2019). Прощай, Постсоциализм! // DOXA online. URL: https://doxajournal.ru/stadis/goodbye_postsocialism (дата доступа: 01.01.21).
- Роджерс Д. (2020). Постсоциализм и «Глобальный Восток» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 135–138.
- Соколовская М. (2020). О невидимости кому я должна сожалеть? // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 142–144.
- Глостанова М. (2020). Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. № 1. URL: http://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21972/ (дата доступа: 01.01.21).
- Трубина Е. 2020. Глобальный Восток и Глобус // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 102–129.

- Усманова А. (2020). Дебаты о постсоциализме и политики знания в пространстве множественных «post-» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 44–69.
- Уффельманн Д. (2020). Постколониальная теория как постколониальный национализм // Новое литературное обозрение. № 1. URL: http://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21973/ (дата доступа: 01.01.21).
- Цикиндеану О. (2020). Отвечая на призыв «глобальных Востоков»: органическая культура и транспериферийная ориентация // Социологическое обозрение. Т.19. № 3. С. 131–135.
- Шелекпаев Н., Чокобаева А. (2020). Восток внутри «Востока»? Центральная Азия между «стратегическим эссенциализмом» глобальных символов и тактическим эссенциализмом национальных нарративов // Социологическое обозрение. Т.19. № 3. С. 70–101.
- Anzaldúa G. (1987). *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza*. San Francisco: Aunt Lute Books.
- Atanasoski N., Kalindi V. (2018). Postsocialist Politics and the Ends of Revolution // *Social Identities*. Vol. 24. № 2. P. 139–154.
- Bach J., Murawski M. (eds.). (2020). *Re-centring the City: Global Mutations of Socialist Modernity*. L.: UCL Press.
- Benjamin W. (1968). *Illuminations*. N.Y.: Schocken.
- Choi B., Mi Y. (2019). Eurasia Underground Library: Notes on Its Formation // *South as a State of Mind*. Vol. 11. P. 84–95.
- Comaroff J. L., Comaroff J. (2011). *Theory from the South; Or, How Euro-America is Evolving toward Africa*. Boulder: Paradigm.
- Demeter M. (2018a). Nobody Notices It? Qualitative Inequalities of Leading Publications in Communication and Media Research // *International Journal of Communication*. Vol. 12. P. 1001–1031.
- Demeter M. (2018b). The Global South's Participation in the International Community of Communication Scholars: From an Eastern European Point of View // *Publishing Research Quarterly*. Vol. 34. № 2. P. 238–255.
- EEP (2020). East European Photography: About EEP. URL: <https://eepberlin.org/pages/about-us> (дата доступа: 01.01.21).
- Gentile M. (2018). Three Metals and the 'Post-Socialist City': Reclaiming the Peripheries of Urban Knowledge // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 42. № 6. P. 1140–1151.
- Gille Z. (2010). Is There a Global Postsocialist Condition? // *Global Society*. Vol. 24. № 1. P. 9–30.
- Ginelli Z. (2020). Postcolonial Hungary: Eastern European Semiperipheral Positioning in Global Colonialism // *Kritikai földrajz* (blog). April 2. URL: <https://kritikaifoldrajz.hu/2020/04/02/postcolonial-hungary-eastern-european-semiperipheral-positioning-in-global-colonialism/> (дата доступа: 01.01.21).
- Hann C. (2016). A Concept of Eurasia // *Current Anthropology*. Vol. 57. № 1. P. 1–10.

- Haraway D. (1988). Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies*. Vol. 14. № 3. P. 575–599.
- Kangas A., Salmenniemi S. (2016). Decolonizing Knowledge: Neoliberalism beyond the Three Worlds // *Distinktion: Journal of Social Theory*. Vol. 17. № 2. P. 210–227.
- Karkov N. (2015). Decolonizing Praxis in Eastern Europe: Toward a South-to-South Dialogue // *Comparative and Continental Philosophy*. Vol. 7. № 2. P. 180–200.
- Koobak R., Marling R. (2014). The Decolonial Challenge: Framing Post-Socialist Central and Eastern Europe within Transnational Feminist Studies // *European Journal of Women's Studies*, Vol. 21. № 4. P. 330–343.
- Kudaibergenova D. T. (2016). The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-Independent Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. № 5. P. 917–935.
- Kurtović L., Sargsyan N. (2019). After Utopia: Leftist Imaginaries and Activist Politics in the Postsocialist World // *History and Anthropology*. Vol. 30 № 1. P. 1–19.
- Kušić K., Lottholz P., Manolova P. (eds.). (2019). *Dversia*. Vol. 19. № 3. Special Issue: Decolonial Theory and Practice in Southeast Europe.
- Kuzhabekova A. (2020). Invisibilizing Eurasia: How North–South Dichotomization Marginalizes Post-Soviet Scholars in International Research Collaborations // *Journal of Studies in International Education*. Vol. 24. № 1. P. 113–130.
- Lorde A. (1984). The Master's Tools Will Never Dismantle the Master's House // *Lorde A. Sister Outsider: Essays and Speeches*. Berkeley: Crossing Press. P. 110–114.
- Mahbubani K. (2008). *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*. New York: Public Affairs.
- Mignolo W. D. (2002). The Geopolitics of Knowledge and the Colonial Difference // *South Atlantic Quarterly*. Vol. 101. № 1. P. 57–96.
- Mignolo W. D. (2012). *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*. Durham: Duke University Press.
- Müller M. (2019). Goodbye, Postsocialism! // *Europe-Asia Studies*. Vol. 71. № 4. P. 533–550.
- Müller M. (2020a). In Search of the Global East: Thinking between North and South // *Geopolitics*. Vol. 25. № 3. P. 734–755.
- Müller M. (2020b). გლობალური აღმოსავლეთის ძიებაში: ფიქრი გლობალურ ზრდილობა და სამხრეთს შორის // *Human Rights Education and Monitoring Center (EMC)*. June.
- Müller M. (2020c). W Poszukiwaniu Globalnego Wschodu: Myślenie Między Północą a Południem // *Praktyka Teoretyczna*. Vol. 37. № 3. P. 157–186.
- Müller M. (2021a). À la recherche des Ests: Les villes en notes de bas de page // *L'Information Géographique*. Forthcoming.
- Müller M. (2021b). Thinking Cities beyond North and South // *Working Paper*.
- Neumann I. B. (1999). *Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Osterhammel J. (2018). *Unfabling the East: The Enlightenment's Encounter with Asia*. Princeton: Princeton University Press.

- Shin H. B., Lees L., López-Morales E.* (2016). Introduction: Locating Gentrification in the Global East // *Urban Studies*. Vol. 5 № 3. P. 455–470.
- Sîrbu A. T., Polgár A.* (eds.). (2009). *Genealogies of Post-Communism*. Cluj: Idea Design & Print.
- Snochowska-Gonzalez C.* (2012). Post-Colonial Poland: On an Unavoidable Misuse // *East European Politics and Societies*. Vol. 26 № 4. P. 708–723.
- Sousa Santos B. de* (1998). The Fall of the Angelus Novus: Beyond the Modern Game of Roots and Options // *Current Sociology*. Vol. 46. № 2. P. 81–118.
- Sousa Santos B. de* (2014). *Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide*. L.: Routledge.
- South as a State of Mind (2020). South as a State of Mind: About. URL: <https://southasastateofmind.com/about/> (дата доступа: 01.01.21).
- Țichindeleanu O.* (2013). Decolonial AestheSis in Eastern Europe: Potential Paths of Liberation // *Social Text Online*. URL: https://socialtextjournal.org/periscope_article/decolonial-aesthetics-in-eastern-europe-potential-paths-of-liberation/ (дата доступа: 01.01.21).
- Timár J.* (2004). More than «Anglo-American», It is «Western»: Hegemony in Geography from a Hungarian Perspective // *Geoforum*. Vol. 35. № 5. P. 533–538.
- Tlostanova M.* (2015). Can the Post-Soviet Think? // *Intersections*. East European Journal of Society and Politics. Vol. 1. № 2. P. 38–58.
- Trubina E., Gogishvili D., Imhof N., Müller M.* (2020). A Part of the World or Apart from the World? The Postsocialist Global East in the Geopolitics of Knowledge // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 61. № 6. P. 636–662.
- Tuhiwai Smith L.* (1999). *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. L.: Zed Books.
- Tuvikene T.* (2016). Strategies for Comparative Urbanism: Post-Socialism as a De-Territorialized Concept // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 40. № 1. P. 132–146.

The East is a Delicate Matter

Martin Müller

Professor of Human Geography, Department of Geography and Sustainability, University of Lausanne
Center for Global Urbanism, Ural Federal University
Address: Géopolis 3514, 1015 Lausanne, Switzerland
E-mail: martin@martin-muller.net

This article is Martin Müller's response to essays and remarks that critically examined the Russian translation of his article "In Search of the Global East: Thinking between North and South" (Russian Sociological Review. Vol. 19. № 3). The material for the analysis were texts published in the thematic block "The Global East: The Politics of Naming and Knowledge Production" (found in the same

issue). The article analyzes these texts according to the standpoint principle, that is, in keeping with the desire to go beyond the dominant social construction of reality in order to understand marginalized groups and regions by giving them a voice. The focus is on the generational differences between the author and his critics, as well as the inevitability of the differences in reactions to the author's proposal to pay more attention to a region traditionally referred to as post-socialist. Examples of the specific reactions and positions of the critics are given. The author has highlighted the following aspects of the problems associated with the popularization of the concept of the Global East: the non-identity of this concept to post-socialism, the importance of "global" in this concept, the pros and cons of understanding the Global East through the prism of strategic essentialism, and the complex temporality of this concept ("future for the past").

Keywords: Global East, critique, generation, location, territoriality, globalization, strategic essentialism, dominance and subordination in the global academic system

References

- Anzaldúa G. (1987) *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza*, San Francisco: Aunt Lute Books.
- Atanasoski N., Kalindi V. (2018) Postsocialist Politics and the Ends of Revolution. *Social Identities*, vol. 24, no 2, pp. 139–154.
- Bach J., Murawski M. (eds.) (2020) *Re-Centring the City: Global Mutations of Socialist Modernity*, London: UCL Press.
- Benjamin W. (1968) *Illuminations*, New York: Schocken.
- Bezuglov D. (2020) Kosty na opushke: zamechanija k reljacionnosti "Global'nogo Vostoka" [Bonfires at the Edge: Remarks on the Relativity of the "Global East"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 156–160.
- Choi B., Mi Y. (2019) Eurasia Underground Library: Notes on Its Formation. *South as a State of Mind*, vol. 11, Fall/Winter, pp. 84–95.
- Cikindeleanu O. (2020) Otvechaja na prizyv "global'nyh Vostokov": organicheskaia kul'tura i transperiferijnaja orientacija [Responding to the Call of the "Global Easts": Organic Culture and Trans-peripheral Orientation]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 131–135.
- Comaroff J. L., Comaroff J. (2011) *Theory from the South; Or, How Euro-America is Evolving toward Africa*, Boulder: Paradigm.
- Demeter M. (2018) Nobody Notices It? Qualitative Inequalities of Leading Publications in Communication and Media Research. *International Journal of Communication*, vol. 12, pp. 1001–1031.
- Demeter M. (2018) The Global South's Participation in the International Community of Communication Scholars: From an Eastern European Point of View. *Publishing Research Quarterly*, vol. 34, no 2, pp. 238–255.
- EEP (2020) East European Photography: About EEP. Available at: <https://eepberlin.org/pages/about-us> (accessed 1 January 2021).
- Gentile M. (2018) Three Metals and the 'Post-Socialist City': Reclaiming the Peripheries of Urban Knowledge. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 42, no 6, pp. 1140–1151.
- Gille Z. (2010) Is There a Global Postsocialist Condition? *Global Society*, vol. 24, no 1, pp. 9–30.
- Ginelli Z. (2020) Postcolonial Hungary: Eastern European Semiperipheral Positioning in Global Colonialism. Available at: <https://kritikaifoldrajz.hu/2020/04/02/postcolonial-hungary-eastern-european-semiperipheral-positioning-in-global-colonialism/> (accessed 1 January 2021).
- Golubev A. (2020) Pereproizvodstvo Vostokov [Overproduction of the Easts]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 144–148.
- Gradskaia Y. (2020) Novyj orientalizm? [New Orientalism?]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 140–142.
- Hann C. (2016) A Concept of Eurasia. *Current Anthropology*, vol. 57, no 1, pp. 1–10.
- Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective. *Feminist Studies*, vol. 14, no 3, pp. 575–599.
- Kangas A., Salmenniemi S. (2016) Decolonizing Knowledge: Neoliberalism beyond the Three Worlds. *Distinktion: Journal of Social Theory*, vol. 17, no 2, pp. 210–227.

- Karkov N. (2015) Decolonizing Praxis in Eastern Europe: Toward a South-to-South Dialogue. *Comparative and Continental Philosophy*, vol. 7, no 2, pp. 180–200.
- Koobak R., Marling R. (2014) The Decolonial Challenge: Framing Post-Socialist Central and Eastern Europe within Transnational Feminist Studies. *European Journal of Women's Studies*, vol. 21, no 4, pp. 330–343.
- Kudaibergenova D. T. (2016) The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-Independent Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 5, pp. 917–935.
- Kurtović L., Sargsyan N. (2019) After Utopia: Leftist Imaginaries and Activist Politics in the Postsocialist World. *History and Anthropology*, vol. 30, no 1, pp. 1–19.
- Kušić K., Lottholz P., Manolova P. (eds.) (2019) *Dversia*, vol. 19, no 3, Special Issue: Decolonial Theory and Practice in Southeast Europe.
- Kuzhabekova A. (2020) Invisibilizing Eurasia: How North–South Dichotomization Marginalizes Post-Soviet Scholars in International Research Collaborations. *Journal of Studies in International Education*, vol. 24, no 1, pp. 113–130.
- Levkin A. (2020) Soglasilsja by Kopernik? [Would Copernicus Agree?]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 138–140.
- Lorde A. (1984) *The Master's Tools Will Never Dismantle the Master's House. Sister Outsider: Essays and Speeches*, Berkeley: Crossing Press, pp. 110–114.
- Mahbubani K. (2008) *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*, New York: Public Affairs.
- Makarychev A. (2020) Global'nyj Vostok: "golos bez sub'ekta" [Global East: "A Voice without a Subject"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 154–159.
- Mignolo W. D. (2002) The Geopolitics of Knowledge and the Colonial Difference. *South Atlantic Quarterly*, vol. 101, no 1, pp. 57–96.
- Mignolo W. D. (2012) *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*, Durham: Duke University Press.
- Müller M. (2019) Proshhaj, Postsocializm! [Goodbye, Postsocialism!]. Available at: https://doxajournal.ru/stadis/goodbye_postsocialism (accessed 1 January 2021)
- Müller M. (2019) Goodbye, Postsocialism! *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 4, pp. 533–550.
- Müller M. (2020) In Search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*, vol. 25, no 3, pp. 734–755.
- Müller M. (2020) Globaluri aghmosavletis dziebashi: pikri globalur chrdiloetsa da samkhrets shoris [In Search of a Global East: Thinking Between a Global North and a South]. Available at: <https://emc.org.ge/ka/products/globaluri-aghmosavletis-dziebashi-fikri-%20globalur-chrdiloetsa-da-samkhrets-shoris> (accessed 1 January 2021).
- Müller M. (2020) W Poszukiwaniu Globalnego Wschodu: Myślenie Między Północą a Południem. *Praktyka Teoretyczna*, vol. 37, no 3, pp. 157–186.
- Müller M. (2021) À la recherche des Ests: Les villes en notes de bas de page. *L'information Géographique* (forthcoming).
- Müller M. (2021) Thinking Cities beyond North and South (Working Paper).
- Neumann I. B. (1999) *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Osterhammel J. (2018) *Unfabling the East: The Enlightenment's Encounter with Asia*, Princeton: Princeton University Press.
- Rogers D. (2020) Postsocializm i "Global'nyj Vostok" [Post-socialism and the "Global East"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 135–138.
- Shelekpaev N., Chokobaeva A. (2020) Vostok vntri "Vostoka"? Central'naja Azija mezhdu "strategicheskim jessencializmom" global'nyh simvolov i takticheskim jessencializmom nacional'nyh narrativov [East within the "East"? Central Asia between the "Strategic Essentialism" of Global Symbols and the Tactical Essentialism of National Narratives]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 70–101.
- Shin H. B., Lees L., López-Morales E. (2016) Introduction: Locating Gentrification in the Global East. *Urban Studies*, vol. 5, no 3, pp. 455–470.
- Sîrbu A. T., Polgár A. (eds.) (2009) *Genealogies of Post-Communism*, Cluj: Idea Design & Print.

- Snochowska-Gonzalez C. (2012) Post-Colonial Poland: On an Unavoidable Misuse. *East European Politics and Societies*, vol. 26, no 4, pp. 708–723.
- Sokolovskaya M. (2020) O nevidimosti komu ja dolzhna sozhalet' [About Invisibility to Whom Should I Regret]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 142–144.
- Sousa Santos B. de (1998) The Fall of the Angelus Novus: Beyond the Modern Game of Roots and Options. *Current Sociology*, vol. 46, no 2, pp. 81–118.
- Sousa Santos B. de (2014) *Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide*, London: Routledge.
- South as a State of Mind (2020) South as a State of Mind: About. Available at: <https://southasastateofmind.com/about/> (accessed 1 January 2021).
- Țichindeleanu O. (2013) Decolonial AestheSis in Eastern Europe: Potential Paths of Liberation. Available at: https://socialtextjournal.org/periscope_article/decolonial-aestheSis-in-eastern-europe-potential-paths-of-liberation/ (accessed 1 January 2021).
- Timár J. (2004) More than "Anglo-American", It Is "Western": Hegemony in Geography from a Hungarian Perspective. *Geoforum*, vol. 35, no 5, pp. 533–538.
- Tlostanova M. (2015) Can the Post-Soviet Think? *Intersections: East European Journal of Society and Politics*, vol. 1, no 2, pp. 38–58.
- Tlostanova M. (2020) Postkolonial'nyj udel i dekolonial'nyj vybor: postsocialisticheskaja mediacija [Postcolonial Destiny and Decolonial Choice: Post-socialist Mediation]. *New Literary Observer*, no 1. Available at: http://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21972/ (accessed 1 January 2021).
- Trubina E. (2020) Global'nyj Vostok i Globus [Global East and Globe]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 102–129.
- Trubina E., Gogishvili D., Imhof N., Müller M. (2020) A Part of the World or Apart from the World? The Postsocialist Global East in the Geopolitics of Knowledge. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 61, no 6, pp. 636–662.
- Tuhiwai Smith L. (1999) *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*, London: Zed Books.
- Tuvikene T. (2016) Strategies for Comparative Urbanism: Post-Socialism as a De-Territorialized Concept. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 40, no 1, pp. 132–146.
- Uffelman D. (2020) Postkolonial'naja teorija kak postkolonial'nyj nacionalizm [Postcolonial theory as postcolonial nationalism]. *New Literary Observer*, no 1. Available at: http://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21973/ (accessed 1 January 2021).
- Usmanova A. (2020) Debaty o postsocializme i politiki znanija v prostranstve mnozhestvennyh "post-" [Debate about Post-socialism and the Politics of Knowledge in the Space of Multiple "post-"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 44–69.
- Volkenshtein P. (2020) Poststalinskaja arhitektura, obshhij znamenatel' "Global'nogo Vostoka"? [Post-Stalinist Architecture, the Common Denominator of the "Global East"?]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 148–154.